
Ю. С. ОГАНИСЬЯН

КОРРУПЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

Рассматривая различные формы, направления и сферы действия коррупции, автор трактует ее как принципиально новый, качественно отличный от прежде практиковавшегося мздоимства социально-политический феномен, сформировавшийся в процессе приватизации и других преобразований в постсоветской России. Главные составляющие этого феномена – начавшие разделяться власть и бизнес. Так как после развала СССР государственная власть практически обрела неограниченные возможности вмешательства в экономику, полагаться на ее поддержку для бизнеса оказалось надежнее и выгоднее, нежели наращивать собственную конкурентоспособность. В стране на федеральном и региональном уровнях сформировались коррупционные структуры обратной связи власти и бизнеса. Возник симбиоз части бизнес-сообщества и нечистых на руку чиновников, который создал преступную систему в сфере распределения расходов государственного бюджета, где договорные схемы, взятки, откаты и иные формы казнокрадства получили широкое распространение. Коррупция, не создавая дополнительной продукции, ведет к перераспределению национального продукта, дохода и богатства в интересах вошедших в этот симбиоз группировок. В статье отмечается непоследовательность и слабая эффективность мер государства в борьбе с коррупцией, чем главным образом объясняется ее живучесть.

Ключевые слова: *власть, бизнес, система коррупции, казнокрадство, взятка, теневая экономика.*

Чтобы сразу войти в тему, определить суть поставленной проблемы, масштабы ее социально-политического влияния, приведем некоторые статистические данные последнего времени, дающие общее представление о месте и роли коррупции в жизни российского общества. Эти данные показывают, что в 2018 г. 34 % взрос-

лого населения страны были вынуждены давать взятки, а каждый третий служащий получал их^{*}. Следственный комитет России в 2017 г. возбудил 14,5 тыс. уголовных дел о коррупции, в 2018 г. на треть больше – 21 тыс. По его оценке, средний размер взятки сегодня составляет 451 тыс. рублей (в особо крупном размере – 7 млн рублей) (см.: Степанов 2018; Коррупцию... 2018). Похоже, в российской экономике не осталось ни одного места, свободного от коррупции. Она фиксируется повсюду – от мусорных свалок до космодромов, от районных больниц до министерств. Самыми коррумпированными сферами россияне считают медицину, ЖКХ, сферу государственного управления, судебную систему и ГИБДД. Согласно апрельским опросам «Левада-центра» (2018 г.), обеспокоенность населения проблемой взяточничества сейчас достигла своего максимума за последние 15 лет («Левада-Центр»... 2018). Ежегодные потери России от коррупции, по данным Счетной палаты, составляют 1,5 трлн рублей в год, по другим данным – около 10 трлн, что сопоставимо с основными расходами государственного бюджета.

Значительная часть коррупционных доходов направляется по различным каналам в США, Великобританию и другие западные страны. По оценке председателя Национального антикоррупционного комитета (НАК) К. В. Кабанова, около 30 % бюджета в той или иной степени вовлечены в коррупционный оборот, причем речь идет прежде всего о государственных заказах и закупках – «самом мощном и распространенном источнике верхушечной коррупции» (Степанов 2018). Другой аналитик, гендиректор Центра антикоррупционных исследований и инициатив *Transparency International-Russia* Илья Шуманов полагает, что подсчитать объемы коррупции методом прямого исследования в абсолютном выражении практически невозможно. Коррупционная практика все более отходит от примитивных видов взяточничества и, по его словам, наблюдается скорее в сфере незаконного лоббизма, конфликта интересов, фаворитизма и протекционизма, nepотизма, отмывания

* Представление об общей картине российской коррупционной реальности можно составить, например, на основе таблиц и графиков интернет-ресурса «ЮрПорт» (см.: Статистика... 2019).

денежных средств, использования иностранных финансовых инструментов, нарушения запретов и ограничений. Эти формы коррупционной деятельности с трудом поддаются правовому регулированию и достоверному подсчету (Степанов 2018).

С еще бóльшим трудом это зло поддается искоренению. Да и вообще, преодолимо ли оно? Коррупция – социальный феномен, весьма устойчивый, имеющий глубокие исторические корни. Свояк Петра I князь Б. Куракин вспоминал в 1727 г., что уже тогда происходило «мздоимство великое и кража государственная, что донныне продолжается с умножением, а вывести сию язву трудно». По свидетельству автора, царь, жестоко, но безуспешно боровшийся с этой язвой, отчаявшись, однажды предложил сенаторам издать указ вешать всякого чиновника, «укравшего хоть настолько, сколько нужно на покупку веревки». В ответ «око государево», генерал-прокурор П. И. Ягужинский сказал: «Разве ваше величество хотите царствовать один, без слуг и подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее другого» (цит. по: Ключевский 1990: 200–201).

Разумеется, Россия мало чем отличается в этом отношении от других государств, коррумпированность которых имеет столь же давние социально-исторические истоки. По убеждению главы МВФ Кристин Лагард, коррупция не признает границ. Она ежегодно выводит из мировой экономики от 1,5 трлн до 2 трлн долларов, или 2 % глобального ВВП. Эти суммы представляют собой только верхушку айсберга – долгосрочные последствия идут гораздо глубже. По словам К. Лагард, в 2018 г. мировая экономика потеряла из-за хищений в государственном секторе примерно те же суммы, что и три года назад. Со временем средства, выделенные изначально на образование или здравоохранение и впоследствии перенаправленные на другие цели, усиливают социальное неравенство (Степанов 2018).

Современный российский (постсоветский) капитализм отличается от западного тем, что формировался, во-первых, не в течение столетий, а в считанные годы, во-вторых, тем, что этот процесс протекал не в рамках классической формулы «товар – деньги – товар», а в соответствии с далекой от нее, по существу, внеэкономической формулой «власть – деньги – власть». И если первое отли-

чие носит временной характер, обусловленный спецификой исторического момента, особенностями скоротечного перехода от социализма к принципиально иной социально-экономической системе, то второе коренится в глубоких традициях экономической жизни российского общества. Их существо, по мнению ряда исследователей, может быть концентрированным образом выражено в понятии «власть-собственность», все более широко употребляемом в последние годы отечественными и зарубежными экономистами, социологами, политологами и философами «для характеристики российской действительности и/или российского прошлого» (см., например: Цирель 2006).

Что конкретно это понятие обозначает? В чем его суть? Ответ на эти вопросы можно найти в работах экономиста Ю. В. Латова. Он полагает, что коллективизм и авторитаризм, основные черты традиционной российской хозяйственной культуры и национальной ментальности, со времен Средневековья стали своего рода основой «государственного способа производства», при котором «власть-собственность» представляет собой нерасчлененное единство властных и собственнических функций: «Речь идет, – пишет Латов, – о таких “правилах игры”, когда политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета» (Латов 2004: 117–118).

В западных странах власть денег по мере роста капитализма стала превалировать над властью государства. В конце прошлого века в США был опубликован ряд трудов, внесших принципиально новые моменты в исследование данной проблематики. Так, Ф. Штерн в работе «Лучший Конгресс, который можно купить за деньги» провел детальный анализ наиболее известных случаев лоббирования в высшем законодательном органе США, самой механики взаимодействия бизнеса и власти. Весьма важный раздел работы Ф. Штерна – анализ деятельности более ста комитетов политического действия, опыта организационного взаимодействия предпринимателей и партийно-политических структур, который может быть поучительным для борьбы с коррупцией в постсоветской России (Stern 1988).

В США и других странах развитого капитализма притязания на власть крупного бизнеса умеряются институтами гражданского общества и правового государства, каковые отсутствовали при становлении капитализма и в дореволюционной, и в нынешней России. И при первом, и при втором своем рождении российский капитал сразу же оказывался в неразрывной связке с властью. Крупный бизнес в РФ возник в результате проведения государством радикальных либеральных реформ и в первые постсоветские годы был неотделим от властных структур, обеспечивавших ему эксклюзивный доступ к приватизации ключевых объектов государственного имущества.

В результате распада СССР Российская Федерация стала владельцем находившейся на ее территории всесоюзной собственности. К тому времени в стране уже было создано агентство по приватизации – Госкомитет Российской Федерации по управлению государственным имуществом (ГКИ), основная функция которого состояла в осуществлении прав государства как собственника предприятий. К началу 1992 г. принадлежавшие государству активы были разделены на три категории собственности: федеральная, региональная и муниципальная. К муниципальной собственности были отнесены прежде всего мелкие предприятия торговли и сферы обслуживания, а к федеральной и региональной – крупные и средние предприятия.

В ходе приватизации интересы бывшей партийно-государственной бюрократии и нарождавшегося бизнеса фактически совпадали, проблемы их согласования решались, как правило, в кулуарах большой политики. Возникновение в 90-х гг. прошлого века финансово-промышленных групп (ФПГ) – крупных корпораций, сочетающих различные виды финансовой и промышленной деятельности, – изменило ситуацию в этой области, потребовало проведения глубоких институциональных и правовых преобразований, призванных придать политическому взаимодействию власти и бизнеса системный характер. По характеристике О. В. Крыштановской, в ходе начального периода приватизации власть партийно-государственной номенклатуры была обменена на собственность. Государство, по сути дела, приватизировало само себя, а результатами этого воспользовались сами «приватизаторы» – государствен-

ные чиновники (Крыштановская 2005: 317, 322). Параллельно в России создавался *народный капитализм*, вызвавший к жизни новую буржуазию. Затем началась эра массовой приватизации, в ходе которой и родилась нынешняя бизнес-элита – группа крупных собственников, вышедшая из недр советской номенклатуры и достигшая огромного финансового и политического могущества благодаря расхищению народного хозяйства, которое сделали возможным беспрецедентные экономические привилегии.

По сути дела, этот итог приватизации нелегитимен с позиции общества, представляя собой грандиозный коррупционный акт неправового отъема общественной собственности в пользу узкой группы нуворишей. И либерал-реформаторы не помышляют о каком бы то ни было восстановлении социальной справедливости. «Не национализировать же назад то, что наконец-то стало “своим”, – с простодушным цинизмом откровенничал Е. Т. Гайдар в 1995 г., – не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распахать по карманам» (Гайдар 1995: 193). Спустя много лет, в конце 2018 г., другой либерал-реформатор А. Б. Чубайс, более всего известный как инициатор аферы с ваучерами, уже с патерналистским высокомерием публично пожурил «глубоко инфантильное» российское общество, что оно так и «не сказала спасибо бизнесу» за то, видимо, что он осчастливил народ изобилием колбасы, колготок и прочего ширпотреба, умолчав при этом, что одновременно олигархический режим опустил уровень жизни значительного числа россиян до нищенского.

Крутой поворот российской экономики от планового хозяйства к рыночному, от общественной собственности к частной, от теневого бизнеса к легальному произошел и происходит (процесс далеко еще не завершен) при непосредственном участии государственной власти. Именно она выступила инициатором и главным актором этих трансформаций, которые, со своей стороны, диктовали ей свою логику развития. И именно государственная (социалистическая) собственность стала источником первоначального накопления капитала в постсоветской России, открывая одновременно в этом новом своем качестве широкий простор для коррупции, до этого ограниченной отдельными сегментами торговли и ширпотреба, а также локациями теневой экономики в некоторых республи-

ках Средней Азии и Кавказа. В новых обстоятельствах интенсификация процесса коррозии экономики и государственного аппарата следовала за этапами приватизации – номенклатурным, ваучерным, залоговым, инвестиционным, – которые вели к образованию все более совершенных крупных устойчивых бизнес-структур, объединенных общими интересами с бывшей партийно-государственной номенклатурой, возглавившей переход к капитализму.

Экономист В. Г. Клейнер выделяет на поле взаимодействия постсоветского госаппарата и бизнеса следующие коррупционно-емкие сферы: фискальные органы, связанные со сбором налоговых поступлений и распределением средств на социальные и иные общегосударственные нужды; учреждения регулирования и контроля за соблюдением правил и норм, установленных государством для граждан и юридических лиц, включая судебную власть, правоохранительные органы, ведомства, ответственные за патентование, лицензирование, управление имущественными комплексами, компаниями и предприятиями, принадлежащими государству полностью или частично, и т. п. (Клейнер 2014: 84).

Еще до развала СССР предвестниками постсоветского бизнеса стала «комсомольская экономика», организаторами которой выступили функционеры ВЛКСМ, которые по поручению партии, как бывало на целинных землях, первыми стали прокладывать путь к рыночному хозяйству. К началу 1990-х гг. новую целину осваивали свыше 500 центров научно-технического творчества и коммерческих кооперативов молодежи, которые породили первые постсоветские корпорации во главе с олигархами – М. Б. Ходорковским, В. О. Потаниным, Л. Б. Невзлиным и др. Перед доморощенным бизнесом сразу же возникла альтернатива: либо ориентация на рыночное увеличение своего дохода, либо использование связей с властью как источника конкурентных преимуществ. Поскольку в постсоветской России власть практически сохранила неограниченные возможности вмешательства в экономику, полагаться на ее поддержку оказалось надежнее и выгоднее, чем на конкурентоспособность собственного бизнеса. В стране сформировалась коррупционная система обратной связи между властью и бизнесом.

Закрепление результатов приватизации непосредственно зависело от протекционистской по отношению к крупному бизнесу по-

литики государства. Различные ветви власти, включая судебную, были наделены функцией согласования интересов власти и капитала. Проводимые государством в последние годы меры в области экономической политики были сориентированы на то, чтобы решить проблему «власти-собственности» путем создания корпоративной вертикали в экономике, что означает укрепление коррупционной взаимозависимости власти и бизнеса, государства и олигархического капитала. Подводя итоги приватизации, А. Я. Лифшиц, бывший в 1990-х гг. вице-премьером, признавал, что реформы Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь коррупционную модель типа Филиппин времен Маркоса. «Фактически, – пишет он, – Борис Ельцин роздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаем себе отчета, что живем в социалистической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они еще пока сами ничего не построили. Свой товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают – по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это все осталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим» (цит. по: Симонян 2011).

Углубление кризиса, принявшего системный характер, заставило государство усилить свою регулирующую роль в области социально-экономических отношений. В кризисных ситуациях к этому неизменно прибегали и прибегают все страны свободного рынка. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. вновь показал, что наиболее значительные мероприятия по оздоровлению экономики и финансов, как и в целом антикризисную стратегию, проводят отнюдь не местные или межнациональные корпорации, не международные финансовые организации, а именно правительства, парламенты, другие органы государственной власти. Международный опыт свидетельствует, что государство и в нормальных, бескризисных ситуациях активно участвует в экономической жизни. Его воздействие на экономику выражается прежде всего в формировании и развитии гарантированного рынка для национального капитала и в мероприятиях, обеспечивающих поддержание эффективного спроса. Это достигается в первую очередь за счет увеличе-

ния доли национального дохода, изымаемого в госбюджет. Проблема в том, чтобы эта доля расходовалась для решения задач преодоления кризиса и развития экономики, а не для удовлетворения своекорыстных интересов крупного бизнеса.

Выступая в 2008 г. на заседании правления Торгово-промышленной палаты, ее президент академик Е. М. Примаков поставил вопрос о необходимости усиления борьбы против «преступного симбиоза части бизнес-сообщества и нечистых на руку чиновников», против коррупционной системы в сфере планирования расходов государственного бюджета, где мздоимство, откаты и иные формы казнокрадства получили широкое распространение. Он, в частности, выделил пример госзакупок. По данным Федеральной антимонопольной службы, в 2007 г. на разного рода откаты, получаемые чиновниками за допуск к поставкам по госзаказу, ушло почти 350 млрд рублей. Это почти в полтора раза больше, чем расходы федерального бюджета на приоритетные нацпроекты, а каждый третий конкурс или аукцион по госзакупкам проходил с нарушением законов (см.: Кукол 2008).

Означенная проблема весьма актуальна в экономическом и политическом отношениях. Она остается в центре внимания власти со дня избрания российским президентом В. В. Путина. С 2000 г. и на протяжении всех последующих лет президент неоднократно подтверждал эту свою позицию. 29 июня 2018 г. он своим указом утвердил Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг., опубликованный на сайте Кремля. Документ предписывает кабинету министров выработать критерии оценки эффективности правительственных мер противодействия коррупции, установить ответственность конкретных госорганов за разработку и реализацию мер борьбы со взяточничеством, а также разработать и утвердить методику проведения социологических исследований, которые помогут оценить уровень коррупции в столице и регионах. Согласно плану, Генеральная прокуратура совместно с МИД и Администрацией президента будет активно участвовать в деятельности Группы государств против коррупции и функционировании обзорного механизма Конвенции ООН против коррупции.

Это не первый и наверняка не последний план такого рода. Нужно признать, что постсоветский режим с самого начала провоз-

гласил необходимость самых жестких мер борьбы с коррупцией. И они достаточно жестко и широко применяются на практике. В спецколониях, предназначенных для взяточников и казнокрадов, уже не хватает мест для осужденных по уголовным делам о коррупции. Причем значительную их часть составляют чиновники, в том числе самого высокого уровня, призванные по долгу службы бороться со взяточничеством и казнокрадством. Между тем, согласно статистическим данным, коррупция из года в год продолжает расти. Здесь впору вспомнить упомянутого выше Петра I, который ни указами, ни жестокими казнями не смог справиться с этим злом. Не помогают в борьбе с коррупционерами, а, скорее, компрометируют ее и такие неведомые в петровские времена мероприятия федерального масштаба, как малорезультативная кампания по обличению и наказанию «оборотней в погонах» среди работников МВД или оскорбительный для учителей запрет принимать подарки, кроме цветов и блокнотов.

Почему же столь неуязвима коррупция в России? Дело, видимо, в том, что зло это коренится не в нарушении законов и указов, а гораздо глубже – в базовых основах отношений власти и капитала. Коррупция составляет существо этих отношений, обеспечивает их жизнеспособность и взаимовыгодность для власти и для капитала. Не создавая дополнительной продукции, она ведет к перераспределению посредством монетаристских методов национального продукта, дохода и богатства в пользу финансового капитала. Эффективность этих методов, заимствованных из западной экономической практики, уже давно ставится под сомнение самими западными экономистами, видный представитель которых Дж. Гэлбрейт писал о «чуде монетаризма»: «Оставьте все на усмотрение Центрального банка, фиксируйте денежную массу в обращении, меняйте ее объем только соответственно росту экономики – и проблема решена... В последние годы мы узнали, что такое чудо помогает лишь постольку, поскольку порождает огромную безработицу и огромные бездействующие производственные мощности. Вот так работает монетаризм. Он действительно останавливает инфляцию, но мы, однако, обнаружили, что такое лекарство гораздо опаснее болезни, которую им стараются вылечить» (цит. по: Гэлбрейт, Меньшиков 1988: 97).

Монетаристская система открывает широкие возможности для спекуляции с ценными бумагами – одним из источников прибыли от коррупции в высших эшелонах власти и бизнеса. Такими источниками являются и приобретение по заведомо заниженной цене государственных активов, и распоряжение государственной собственностью и финансовыми потоками государственных организаций благодаря связям с высшими властями, и т. д. «Учесть размеры обогащения от этой деятельности невозможно даже приблизительно, – пишет экономист В. М. Меньшиков. – Если сложить всю рыночную стоимость активов, находящихся под контролем олигархических групп внутри и вне страны и приобретенных главным образом благодаря коррупционным связям, то речь пойдет о сотнях миллиардов долларов. Это – богатства, стоимость которых намного превышает стоимость годового ВВП России» (Меньшиков 2004: 248).

Таким образом, специфической чертой взаимодействий власти и бизнеса в России является преобладание в них коррупционных отношений. Это – системный фактор, отсутствующий как таковой в странах развитого капитализма. В. Г. Клейнер отмечает: «Наличие большого государственного сектора не обязательно обуславливает высокую коррупцию. Так, в годы советской власти при тотальной государственной собственности уровень коррупции был значительно ниже, чем после перестройки» (Клейнер 2014: 84). После развала СССР государство, по существу, утратило системное управление экономикой, а пришедшие ему на смену структуры общественного и институционального контроля оказались слабоэффективными либо коррумпированными. «Кроме того, – пишет В. Г. Клейнер, – государство нередко не обращает внимания на не всегда законную деятельность бизнесменов, которые становятся участниками своего рода государственно-частного партнерства. По сути, речь идет о торговле индульгенциями со стороны государства. Таким образом, государственное управление, по существу, свелось к методам допетровского управления на Руси: государственные чиновники и приближенные к ним физические и юридические лица получают на откуп крупные государственные корпорации, отраслевые и межотраслевые комплексы» (Там же: 87–88).

Таблица ниже убедительно показывает, почему в СССР было невозможно возникновение тотально распространенной коррупции.

Там сама система власти создавала непроходимый заслон для этого. Плановые структуры запирали выходы на коррупционные решения экономических вопросов, препятствовали этому также и иные структурные элементы жизни общества – само социальное устройство, идеология, культура, мораль и т. д. После развала СССР коррупция стала фактически неформальным способом перераспределения национального дохода. Более 80 % населения считают коррупцию одной из главных проблем России, которая углубляет социальное неравенство и мешает развитию страны в целом. Образовавшийся же в постсоветской России дикий рынок, построенный на принципах безоглядной наживы, предполагает, напротив, рост коррупции как необходимое условие своего существования.

Сравнительный анализ системы государственного управления хозяйствующими субъектами

	Административная система управления (СССР)	Государственный контроль (Россия)
Преобладающая форма собственности	Государственная и колхозно-кооперативная собственность 100 %	Частная; есть отрасли с преобладанием госсобственности – газовая, банковский сектор (> 50 %), значительная доля также – в нефтяной
Система контроля сбора информации и планирования	Единые директивные органы государства: Госкомстат, Госплан, Госснаб и их региональные подразделения	Достоверность и актуальность информации, собираемой Росстатом, вызывает серьезные вопросы. Не отслеживается корпоративная структура бизнеса, часто отсутствуют показатели деятельности предприятия в рыночной среде. Государственное планирование фактически отсутствует
Целеполагание	Государство отвечало за планирование и координацию деятельности предприятий, ставило кратко- и долгосрочные задачи, обеспечивало необходимыми ресурсами и контролировало исполнение планов	Бизнес сам ставит себе задачи, как правило, ориентированные на максимизацию прибыли или дохода доминирующих акционеров. Малый и средний – реагируя на конъюнктуру рынка (в том числе и «административного»), крупный, государственно-монополистический и транснациональный – выстраивая рынок под свои нужды

Окончание табл.

	Административная система управления (СССР)	Государственный контроль (Россия)
Общественный контроль	Осуществляется, а зачастую и организуется через партийные и профсоюзные организации, народный контроль, реже – прессу	Контрольные институты завязаны на вертикаль власти. В парламентских партиях – круговая порука (коррупционные скандалы гасятся), контроль Счетной палаты носит закрытый характер, по его итогам принимаются лишь кадровые решения без очевидных системных последствий для коррупционных практик. СМИ находятся под контролем государства и давлением криминала и не могут считаться независимыми
Контроль со стороны правоохранительных органов	Был эффективен в отношении хищений на нижнем уровне, в политической борьбе на уровне партруководства порою принимал формы противостояния силовых ведомств	Высокий уровень коррупции правоохранительных органов превращал их в крупнейших участников рынка (в том числе и теневого), субъектов изъятия коррупционной ренты, что соответствующим образом деформировало практики реализации ими своих контрольных функций
Судебная система	Успешно функционировала на бытовом уровне. Корпоративные конфликты решались на управленческом и партийно-государственном уровнях. Номенклатура существовала в особом правовом поле вне системы общей юрисдикции	Определенное улучшение в системе арбитражных судов было нивелировано интеграцией ВАС с Верховным судом. Суды общей юрисдикции стали зачастую исполнителями политических, государственных или коррупционных заказов и реализуют канцелярскую функцию закрепления нужных решений и приговоров

Несмотря на ужесточение антикоррупционного законодательства, многочисленные аресты и судебные процессы по делам взяточников, в том числе высокопоставленных чиновников, коррупция продолжает расти. Это закономерно. Именно коррупция дает наибольший эффект обратной связи между властью и бизнесом. Экономист С. Ю. Барсукова, подводя итоги специального исследо-

вания, делает вывод о реализации в России двух стратегий сращивания бизнеса и власти. Первая из них – «рыночная» – состоит в систематическом и устойчивом приобретении бизнесом услуг власти, оказываемых в теневом режиме, что превращает отношения чиновника и предпринимателя в подобие контрактной сделки коррупционного характера. Вторая стратегия – «инвестиционная» – заключается в том, что бизнес покупает не услуги чиновника или законодателя, а место во власти для своих ставленников. Теневая экономика и теневая политика в современной России, пишет С. Ю. Барсукова, неразрывно связаны. Они воспроизводят друг друга. Экономические агенты «теневируют» политику, покупая места во властной иерархии, финансируя политические партии и продвигая своих людей в ходе выборов, что стало типовым способом вхождения во властное поле. С другой стороны, политика активно «теневирует» экономику, предлагая широкий спектр продаваемых в теневом формате услуг (Барсукова 2006: 5–6, 14).

Приватизация в России привела к передаче контроля над государственными активами экономическим агентам, основной целью которых было быстрое обогащение. Она состояла в фактическом расхищении активов, что объяснялось плохой защитой прав собственности, и напоминала дешевую распродажу. Тем большее недоумение вызывают то и дело возникающие новые проекты приватизации сохранившейся государственной собственности. Главные риски таких проектов, по словам В. Кондратьева, «заключаются в том, что бывшие госкомпании перестанут решать содержательные государственные задачи и что грандиозные планы модернизации экономики страны могут оказаться под большим вопросом» (Кондратьев 2013: 18).

Если крупный капитал благодаря своей экономической мощи внедрил во власть и разделил с ней ряд важнейших политических функций, то средний и мелкий бизнес в России фактически отстранен от принятия решений в политике и экономике. Правда, государственное стимулирование развития объединений малых предпринимателей получило законодательное оформление еще на первой стадии российских рыночных реформ. В Федеральном законе «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», принятом в 1995 г., определено, что орга-

ны федеральной и региональной исполнительной власти, местного самоуправления должны оказывать поддержку в организации и обеспечении деятельности союзов (ассоциаций) субъектов малого предпринимательства, создаваемых в установленном порядке как общественные объединения в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для развития малого предпринимательства, добросовестной конкуренции, повышения ответственности и компетентности субъектов малого предпринимательства, коллективной защиты их интересов в органах государственной власти.

Хотя в России такого рода меры и предпринимаются, они, как правило, остаются на бумаге. Власть больше заинтересована в сотрудничестве с крупным капиталом. А это ставит малый бизнес в бесправное положение. Интересы различных по характеру объединений крупных предприятий, особенно тех, что призваны выражать интересы олигархов, сильно отличаются от интересов и потребностей малого бизнеса. Проблемы экспортеров нефти, металлов, крупных финансистов кардинально отличаются от проблем мелких и средних предпринимателей, определяемых в решающей степени характером их взаимодействия с властными структурами.

Нельзя сказать, чтобы власть совсем не поддерживала малый и средний бизнес, а он, в свою очередь, был беззащитным «мальчиком для битья». Российское законодательство предоставляет ему целый ряд социальных льгот, связанных с налогообложением, выделением земельных участков, арендой помещений и т. д. Знаковым событием стал первый в истории страны Всероссийский съезд представителей малых предприятий (февраль 1996 г.). Согласно материалам съезда, на конец 1996 г. в России насчитывалось 817 тыс. малых предприятий, которые обеспечивали средства к существованию 40 млн человек. Однако в последующие годы темпы роста численности малых предприятий в России начали сокращаться. На тысячу граждан страны в 1998 г. приходилось всего 5,64 предприятия по сравнению с 74,2 – в США, 68 – в Италии, 49,6 – в Японии и 46 – в Великобритании. Причем отмечались существенные диспропорции в уровне развития малых предприятий в регионах России. 40 % их расположены в Москве и Санкт-Петербурге. Еще 40 % приходилось на четыре относительно благополучных региона – Уральский, Западно-Сибирский, Северо-Кавказ-

ский и Поволжский. В остальных восьми регионах малый бизнес находился в зачаточном состоянии. Еще одна диспропорция в развитии малого предпринимательства в России – его приоритетная ориентация на сферу обращения, преимущественно торговлю и торговое посредничество.

В Российской Федерации прямые отношения малого бизнеса с властью ограничиваются в основном кругом общения с представителями региональной и местной администрации: губернаторами, их чиновным окружением, выборными депутатами различных уровней, муниципалитетами, органами правопорядка. Практически каждый контакт с любым из них – от губернатора до рядового полицейского и пожарника – таит в себе определенную угрозу их бизнесу. Л. Э. Слуцкий дает такой их суммарный перечень: отсутствие стабильной правовой базы; отсутствие условий добросовестной конкуренции; ярко выраженный фискальный характер налоговой политики; административное давление; затрудненность ресурсного и финансового обеспечения (Слуцкий 2000: 69, 73).

Но кроме этого, весьма опасны для малого бизнеса риски, создаваемые бюрократическим произволом и криминалитетом, «социально близким» администрации именно на региональном и местном уровнях, тогда как такого рода близость на уровне федеральном – между олигархами и правительством – после прихода В. В. Путина к верховной власти оказалась в значительной мере подорванной. Взаимоотношения региональной власти с малым и средним бизнесом пронизаны всепроникающей коррупцией, отравляющей деловое общение бизнесменов с чиновниками местной администрации, служащими санэпидемстанций, работниками экологических организаций и т. д. Региональная коррупция связана с федеральными коррупционными схемами, охватывающими системы здравоохранения, образования, детских домов или социальной защиты. «В этих коррупционных взаимоотношениях, – пишет В. Г. Клейнер, – участвуют не только чиновники, непосредственно вовлеченные в процесс принятия решений (сотрудники ФНС, соответствующих федеральных министерств), но и те, кто призван бороться с коррупцией при реализации указанных решений, а именно представители правоохранительных органов, прокуратуры и др. Так выстраивается коррупционная цепочка, при которой чиновни-

ки-коррупционеры уже в процессе получения незаконной выгоды делятся коррупционными доходами с чиновниками, отвечающими за контроль над коррупцией, обеспечивая себе защиту с их стороны. В результате государство и общество теряют десятки миллиардов рублей ежегодно» (Клейнер 2014: 85).

Экономисты обращают внимание и на негативное влияние двух тенденций в российской экономике, называемых иногда институциональными ловушками: существование в регионах фиктивных малых фирм, создаваемых с целью ухода от налогообложения либо снижения налоговой нагрузки, а также «серые» выплаты заработной платы, практикуемые во всех отраслях малого и среднего бизнеса. «Поэтому, – отмечает М. В. Подшивалова, – о прогрессе и развитии малого предпринимательства нужно говорить с большой осторожностью, поскольку, как показывает корреляционный анализ, рост плотности малых фирм обусловлен не столько реальным вкладом МП, сколько стремлением предпринимателей снизить транзакционные издержки ведения бизнеса в России, прикрываясь институтами малого предпринимательства» (Подшивалова 2014: 105).

В данном контексте следует обратить внимание на крайне исторически неглубокую укорененность в стране современной предпринимательской культуры. Десятилетия «реального социализма» до сих пор влияют на формирование ментальности предпринимателей. Сохраняются и постоянно воспроизводятся антирыночные предрассудки, подпитываемые ностальгией по временам, когда социальная справедливость считалась нормой жизни общества. Частное предпринимательство в России имело относительно слабые традиции даже до революции, а при советской власти любая предпринимательская деятельность была под запретом. В отличие от России, в других социалистических странах Европы малый и средний бизнес был развит до прихода к власти коммунистов и допускался в известных пределах плановой экономикой. Поэтому в них предпринимательские традиции не были полностью разрушены и стали одной из основ развития бизнеса в реформирующейся экономике.

С первых шагов постсоветских реформ и до сегодняшнего дня в России велись и ведутся бурные дискуссии о необходимости государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Этим публичным обсуждениям уже более 30 лет. Но власть не

спешит с действенной поддержкой. Малые предприятия существуют как бы сами по себе, насыщая потребительский рынок, обеспечивая рабочие места миллионам россиян и какие-никакие налоговые поступления. Однако в стране продолжает действовать система притеснения малого бизнеса. Делать это несложно, так как в российских условиях он далеко не прозрачен, при желании у любого предпринимателя можно найти «грешки». А где есть нарушения, там бизнес предпочитает полутень и не стремится обращаться в случае необходимости к правоохранительным органам, попадая в системную зависимость от коррумпированных бюрократов и криминала. В руки чиновников всех уровней и бандитов, минуя государственную казну, до сих пор уходят миллиарды рублей. Трудности у представителей малого бизнеса начинаются с первых шагов: тяжкий путь при регистрации юридического лица, сложности при лицензировании и т. д. Все это требует не только больших усилий, но и унижений, взяток, приводит к росту потребительских цен и снижению доходности бизнеса. Выступая на конференции «Конкурентоспособность России и малый бизнес» в 2005 г., Герман Греф признал, что местные начальники, «не стесняясь, пропагандируют явно неправовые методы решения проблем – создание фондов для поборов с бизнеса, систем преференций» (цит. по: Велетминский 2005).

Поэтому вполне естественно повсеместное недовольство бизнесменов властью. Проведенное ВЦИОМ исследование «Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах России» показало явное и вполне обоснованное недоверие малого бизнеса к местным властям. Всего 0,7 % опрошенных уверены, что можно отстаивать интересы своего бизнеса вопреки желанию чиновников. Причем предприниматели, по данным того же опроса, опасаются давления региональных чиновников даже больше, чем криминальных вымогательств. Одним из факторов такого давления на компании остаются высокие ставки арендных платежей, доходящих до 70 % бюджета предприятий. Загнанный в угол предприниматель зачастую уходит в тень, начинает жить по криминальным понятиям. Возможности для этого тем более благоприятны, что доминирующие отрасли малого предпринимательства – торговля и услуги населению, – в отличие, например, от производства и строительства, легко позволяют переступить легальные установления.

Риск неотделим от искушения. Играя втемную, предприниматель, как правило, умножает свою выгоду. К тому же он вступает в зону, где тень, так сказать, «узаконена» криминальными понятиями в федеральном масштабе. В среднем размер российской теневой экономики оценивается в 30–40 % ВВП, тогда как в США и Швейцарии – около 9 %. По показателю теневой экономики Россия оказывается рядом с Габоном и Сальвадором. Значительно обгоняет нас только Грузия, где теневая экономика составляет более 50 % (см.: Макаров, Фейнберг 2017).

С другой стороны, одним из элементов, формирующих среду функционирования малых предприятий в России, является рэкет, который не только замедляет их развитие, но и ставит под угрозу сам процесс рыночных преобразований. Организованная преступность в стране превратилась в хорошо отлаженную систему, позволяющую ей держать под контролем финансово-хозяйственную деятельность любого предприятия малого бизнеса в своей «зоне влияния». Основными причинами развития рэкета являются отсутствие эффективной защиты со стороны государства, а также поведение самих бизнесменов, склонных выводить себя за рамки правового пространства. Коррупция задействует также право чиновников распоряжаться ресурсами, предоставляемыми бизнесу государством (земельные участки, коммуникации, налоговые льготы и т. п.). Государственная поддержка малого бизнеса в основном сводится к разработке программ содействия его развитию. Средства же на реализацию этих программ достаются не самим предприятиям, а различным аффилированным с властью структурам, и зачастую просто разворовываются.

То же самое происходило и с теми средствами для помощи малому бизнесу, которые поступали из-за рубежа. Поскольку российская система поддержки предпринимательства создавалась со значительным, если не преобладающим, финансированием со стороны зарубежных доноров (при том или ином участии государства), то в ее деятельности фактически имело место некое гибридное взаимодействие. Доноры предоставляли финансовую помощь, требуя при этом от властей подтверждения того, что деньги потрачены получателем. В свою очередь, российские чиновники сами денег не имели, но могли засвидетельствовать это. Третьей стороной в этой

связке были исполнители программ – организации так называемой инфраструктуры поддержки. Среди них тоже сложилось разделение функций: так, московские головные организации сетей занимались лоббированием и оптовой перепродажей программ в регионы, а региональные – реализацией не только московских программ на местах, но и своих региональных проектов, а также коммерческой деятельностью на местном рынке (консалтингом, обучением, кредитованием и др.). Словом, когда деньги доходят до конкретного бизнесмена, от них зачастую остаются лишь крохи.

Итак, преодолима ли коррупция? Проведенный анализ не дает оснований для оптимизма на сей счет. Не добавляет его и опыт даже самых развитых правовых государств, не способных до конца избавиться от этого социального зла. Словом, вопрос остается открытым...

Литература

Барсукова, С. Ю. 2006. Стратегии сращивания бизнеса и власти. *Свободная мысль* 3: 5–14.

Велетминский, И. 2005. Греф посадит малый бизнес в инкубатор. И втрое понизит для него административные барьеры. *Российская газета* 2 марта. Федеральный выпуск № 3710. URL: <https://rg.ru/2005/03/02/a55816.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Гайдар, Т. 1995. *Государство и эволюция*. М.: Прогресс. 166 с.

Гэлбрейт, Дж. К., Меньшиков, С. М. 1988. *Капитализм, социализм, сосуществование*. М.: Прогресс. 200 с.

Клейнер, В. Г. 2014. Коррупция в России, Россия в коррупции: есть ли выход? *Вопросы экономики* 6: 81–96.

Ключевский, В. О. 1990. *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. М.: Правда. 624 с.

Кондратьев, В. Б. 2013. Второе дыхание государственного капитализма. *Мировая экономика и международные отношения* 6: 13–18.

Коррупцию в России не то что победить, подсчитать невозможно. 2018. *Pasmi.ru* 6 июля. URL: <https://pasmi.ru/archive/214439/> (дата обращения: 05.05.2019).

Крыштановская, О. В. 2005. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров. 384 с.

Кукол, Е. 2008. Взялись за взятки. Евгений Примаков представил бизнес-план по борьбе с коррупцией. *Российская газета* 12 ноября. Федеральный выпуск № 4790. URL: <https://rg.ru/2008/11/12/primakov.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Латов, Ю. В. 2004. Власть-собственность в средневековой России. *Экономический вестник Ростовского государственного университета* 2(4): 111–133.

«Левада-Центр»: все больше россиян тревожат коррупция и взятки. 2018. *Настоящее время* 24 апреля. URL: <https://www.currenttime.tv/a/29189225.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Макаров, О., Фейнберг, А. 2017. Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой. *РБК* 30 июня. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения: 05.05.2019).

Меньшиков, С. М. 2004. *Анатомия российского капитализма*. М.: Международные отношения. 432 с.

Подшивалова, М. В. 2014. Качество социально-экономических институтов, формирующих среду развития малого бизнеса. *Вопросы экономики* 6: 97–111.

Симонян, Р. 2011. Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты. *Континент* 147. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kontinent/kontinent-147-2011/10677-reformy-1990-x-godov-obshhestvenno-politicheskie-rezultaty.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Слущкий, Л. Э. 2000. *Развитие малого предпринимательства в Российской экономике*. М.: Финансы и статистика. 138 с.

Статистика взяток в России 2019. *Юрпорт*. URL: http://credit-helper.ru/statistika-vzjatok-v-rossii-2018-25741/#___2018-2 (дата обращения: 05.05.2019).

Степанов, Г. 2018. Сколько Россия теряет из-за коррупции. Масштабы ущерба оцениваются в триллионы рублей. *News.ru* 5 декабря. URL: <https://news.ru/den-gi/korrupciya-rossiya-usherb-byudzheta-statistika/> (дата обращения: 05.05.2019).

Цирель, С. В. 2006. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов. *Общественные науки и современность* 2(3): 119–131.

Stern, Ph. M. 1988. *The Best Congress Money Can Buy*. New York: Pantheon Books. 321 pp.